

А.С. Рабаданов*

Морально-нравственное обоснование и естественная природа права человека на защиту

Человеку присуще чувство самосохранения. Это чувство вложено природой в человека так глубоко, что не оставляет его почти никогда; человек стремится к самосохранению, с одной стороны, инстинктивно, а с другой — сознавая свое право на существование. Сознавая свое право на существование, человек ограждает его от чужого посягательства, от всякого не-права. Но очевидно, что действия человека в этой сфере

* Доцент кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД РФ, кандидат юридических наук.

не могут быть безграничны, их ограничение лежит в системе общества, государства.

А.Ф. Кони отмечал, что из свободного человека, который смутно создает свое (*jus*) и не хочет знать никакого (*lex*), делается гражданин, имеющий твердо законом определенные права и соответственно им обязанности. Место безграничного произвола занимает гражданская свобода¹.

Право необходимой обороны признавалось еще в глубокой древности, в Египте и Греции. Римское право даже распространялось в определениях права необходимой обороны: оно признается самой природой человека². И в наше время не ослабевает интерес как ученых, так и практиков к этой проблеме. Праву на необходимую оборону посвящено несколько основательных монографий. Тем не менее в научных изданиях лишь попутно, в связи с анализом иных аспектов уголовно-правового характера затрагиваются морально-нравственное содержание и естественная природа права человека на защиту.

Понятие нравственности далеко не бесспорно. В Словаре русского языка о нравственности говорится как о «правилах, регулирующих поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил»³. В других изданиях нравственность определяется как «особая форма общественного сознания <...> один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм»⁴.

В научной литературе и в практическом обиходе понятия «нравственность» и «мораль» подчас употребляются как идентичные. Для их отождествления есть лингвистические основания, так как с латинского *moralis* переводится как нравственный. Впрочем, некоторые ученые устанавливают и различия. С их точки зрения два термина, обозначающие одно явление, указывают на многозначность понятия. С одной стороны, мораль — это регулятор отношений, это нравы, естественные стремления человека, массовые привычки, получившие общественное одобрение. С другой стороны, мораль — это противостояние природе активного волевого субъекта, осознающего свою автономность, это личностное измерение общества.

Гегель эти два аспекта морали превратил в две ступени ее развития. Нравственность для него — это обычаи, бессознательно усвоенные индивидом. В нравственности совпадают должное (предписанное) и сущее — фактическое поведение людей. Мораль, по Гегелю, это как бы критическая оценка нравственности (обычаев, нравов). В морали свободная личность сознательно ищет всеобщего закона, лежащего в основе нравов. Веления морали начинают расходиться с повседневным порядком (сущим). Однако мораль как выражение субъективной воли опять объективируется, переходит в нравственность, понимаемую как воплощение морального закона в семейных отношениях, гражданском обществе, государстве.

Видимо, нужно исходить из единства черт, присущих этим понятиям, так как и в нравственности, и в морали выражены представления человека о добре и зле, справедливости и несправедливости, достоинстве и чести. В настоящей статье мораль и нравственность понимаются как идентичные, имея в виду содержание позитивного права.

¹ См.: Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 7–8.

² Там же. С. 11–12.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 339.

⁴ Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 755.

В начале XX в. известный русский мыслитель П.И. Новгородцев про- рочил: «Если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права си- лы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины, — она никогда не будет иметь никакого успе- ха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних»⁵.

Спустя почти столетия, желая построить правовое государство, полез- ное для собственных граждан, мы вновь призываем к вере в силу права, в духовность народа, надеясь, что он никогда не поклонится «золотому тельцу». Сегодня высокий нравственный авторитет юриспруденции утра- чен, иссякло доверие к нравственной силе права, ее возвышенному и иде- альному предназначению.

Соотношение морали и права относится к числу важнейших вопросов гуманитарной науки. Ученые отмечают, что взаимодействие морали и пра- ва в современной России характеризуется противоречивостью мнений. Од- ни полагают, что Россию спасет лишь инерция добра. На вопрос «Какое преступление нельзя оправдать никакими обстоятельствами?» — отвеча- ют — измену Родине⁶. Другие считают, что России присущ процесс углуб- ления нравственных начал в праве, хотя и осознают, что он затянулся во времени⁷. Третьи однозначно отдают предпочтение нравственным ценно- стям, ставят нормы морали выше юридических. Так, писатель А. Солже- ницын утверждает, что нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. «Справедливость — это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим»⁸, — пишет он.

Видимо, в истинном законе, отвечающем своему назначению, юриди- ческое и нравственное нельзя противопоставлять. Если положительный закон идет вразрез с нравственным сознанием добра, то можно быть уве- ренным, что он не отвечает принципам естественного права. Соответст- венно правовой интерес относительно таких законов может выражаться не в сохранении, а в их правомерной отмене⁹.

Итак, право и нравственность — это понятия тесно взаимосвязанные, а в положительном законе — совпадающие. Сказанное не означает, что меж- ду ними нет различия. Так, В. Соловьев различия права и нравственности сводил к трем пунктам: 1) «Право есть низший предел или определенный минимум нравственности...»; 2) «Право есть требования реализации этого минимума, т.е. осуществления определенного минимального добра»; 3) «Требования нравственного совершенства, как внутреннего состояния, предполагают свободное или добровольное исполнение...; напротив, внеш- нее осуществление известного закономерного порядка допускает прямое или косвенное принуждение...». Соединив вместе три названных признака, В. Соловьев получил определение права в его отношении к нравственно- сти. «Право, — пишет он, — есть принудительное требование реализации

⁵ Цит. по: Соловьев В. Национальный вопрос в России // Об общественном идеале. М., 1991.

⁶ См.: Нарогницкая Н. Россию спасет лишь инерция добра // Аргументы и факты. 2006. № 3.

⁷ Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: Авто- реф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 4–5.

⁸ Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. Спец. вып. 1990. 18 сент.

⁹ См.: Соловьев В.С. Нравственность и право // Собр. соч. М., 1988. Т. 7. С. 392.

определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»¹⁰.

Морально-нравственное обоснование права человека на защиту предполагает хотя бы *тезисное освещение вопросов разграничения между нравственностью и правом*. В научной литературе разграничение между нравственностью и правом проводится так: право остается во внешнем, а нравственность — во внутреннем мире человека¹¹. Но когда соединяются эти два понятия, то можно говорить о таком праве, которое изначально нравственно выражает идеи справедливости, свободы, равенства и называется в теории естественным. Нормы права, содержащие моральные ценности, становятся ценностью как для отдельного человека, так и для общества в целом. И в этом смысле право выступает действенным средством социальной защищенности интересов личности, обновления общества в соответствии с историческим ходом общественного развития.

Морально-нравственное обоснование права человека на защиту есть *осмысленная оценка поступка человека*. Оно может рассматриваться в *широком и узкопрофессиональном толковании*. В широком — с позиции понятия добра и зла, представления о справедливости, равенстве, свободе и достоинстве личности. В узком значении — в качестве общественного и юридического института (институт общественной защиты, самозащиты, необходимой обороны и т.д.) либо идеологической и юридической практики неприкосновенности личности.

Широкое понимание морально-нравственных основ права человека на защиту предполагает знание исторической природы естественного права, его эволюции и проявления в современных условиях. О.И. Цыбулевская правильно утверждает, что личности «всегда присущи как чувство свободы, так и чувство справедливости, порядка, основой которого является уверенность в завтрашнем дне, безопасность и надежность существования»¹².

«Естественное право возникает вместе с первыми ростками человеческой организации и культуры в виде написанных правил и традиций обычного права. Его требования существовали в мифах, религиозных и моральных нормативах»¹³. Один из представителей естественной школы права, Аристотель, еще до нашей эры определял естественное право как нравственное. Он исходно наделял его соответствующей абсолютной ценностью, потому что это право повсеместно имеет одно и то же значение, независимо от того, признают ли его люди и как они его толкуют. Аристотель даже различает два вида справедливости: уравнивающую и распределяющую. Критерием первой является «арифметическое равенство», сферой применения этого принципа — область гражданско-правовых сделок, возмещения ущерба, наказания и т.д. Распределяющая справедливость исходит из принципа «геометрического равенства», она означает деление общих благ по достоинству, пропорционально вкладу и взносу того или иного члена общения¹⁴.

¹⁰ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 382–383.

¹¹ См.: Трубецкой Е.Н. Право и нравственность. М., 1999. С. 45.

¹² Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004. С. 8.

¹³ Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. СПб., 2000. С. 156.

¹⁴ См.: Сафонов В.Н. Политические взгляды Аристотеля // Социально-политический журнал. 1998. № 4. С. 181–182.

Позиция Аристотеля, впрочем, как и позиция римских юристов (Ульпиана), не ограничивается анализом социальной справедливости. Много внимания они уделяют правовой справедливости, где находит свое отражение нравственно-правовое обоснование права человека на защиту. В частности, В.С. Нерсисянц, анализируя труды римских юристов относительно идей правовой справедливости, пишет, что право, которое кто-либо считает справедливым применить к другому лицу, должно признаваться и для самого себя. Право как регулятор общественных отношений должно воплощать в себе особенные интересы и притязания, они должны найти в нем и надлежащие (именно — справедливые) признаки, удовлетворение и защиту. Тем самым, утверждает далее ученый, отдавая каждому свое, правовая справедливость делает это единственно возможным, всеобщим и равным для всех правовым способом, отвергающим привилегии и утверждающим свободу¹⁵.

«Нормы естественного права неизменны и всеобщы так же, как социальный идеал, и так же недостижимы для реализации в жизни. Естественное право подготавливает организационные структуры для самых разнообразных форм человеческого общежития, в идеале оно стремится стать неким порядком, который будет соблюдаться не в силу боязни наказания, а просто в силу понимания его необходимости и разумности»¹⁶.

Этический момент в естественно-правовой конструкции права человека на защиту заключается в том, что происходит оценка существующего положения с точки зрения нравственного должностования. Большой вклад в обоснование этой идеи внес русский мыслитель П.И. Новгородцев. Он считал, что человек видит в праве установление, которое зависит от личной воли и в то же время составляет часть нравственной субстанции. Практическая сторона данного подхода, согласно Новгородцеву П.И., выражается в протесте нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка. Вывод Новгородцева заключался в констатации двух существенных моментов естественно-правовой идеи: нравственной оценке положительных учреждений и стремления к философскому исследованию основ права¹⁷.

П.И. Новгородцев также полагал, что мораль столь же неизменна, сколь постоянна сущность человека: то, что нравственно для одного человека, не может (не должно) быть этически безразличным для другого. Право же (и правосознание) подвижно и изменчиво, вплоть до того, что право может противоречить себе или идее справедливости¹⁸.

Таким образом, доктрина естественного права с изменяющимся содержанием выражает идею прогресса в правосознании (и в праве) при незыблемости принципов нравственности, основанных на признании ценности и достоинства личности всех времен и народов. Иными словами, право — минимум нравственности, и этот «минимум», по П.И. Новгородцеву, может быть различен для разных исторических возможностей и объективных условий.

¹⁵ См.: Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. С. 30–31.

¹⁶ Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России X–XX вв. М., 1995. С. 328.

¹⁷ См.: Новгородцев П.И. Введение в философию права. СПб., 2000. С. 13.

¹⁸ См.: Никулина О.В. Власть и право в философии П.И. Новгородцева. М., 1992. С. 87.

Нормы естественного права авторитетны вследствие своей разумности. «Сущность естественно-правовой идеи состоит, прежде всего, в ее критическом духе, — пишет П.И. Новгородцев. — Она знаменует собой независимый и самостоятельный суд над положительным правом, призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей»¹⁹.

Новгородцев стремился дополнить практическую философию Канта отдельными положениями философии права Гегеля и устранить тем самым односторонность их подходов. Это побудило Новгородцева создать свою оригинальную естественно-правовую теорию, которая выражает устойчивые моральные ценности и изменяющиеся законодательные основы. При этом русский мыслитель активно использовал многие идеи баденской школы неокантианства²⁰.

Морально-нравственное обоснование права человека на защиту в ее широком толковании предполагает хотя бы тезисное обращение к идеям свободы, в частности, такой важнейшей ее составляющей, как свобода воли. В этой связи вновь обратимся к истории вопроса, которая отражается в трудах русских философов права. Радищев полагал, что необходимым элементом каждого деяния является воля: если нет свободной воли²¹, нет и деяния. Из этого тезиса можно сделать вывод, что закон имеет дело только с такими действиями, в которых проявляется свободная воля. При определении личности и нравственного закона свобода и равенство представлялись двумя сторонами одного и того же понятия: свобода являлась основанием, равенство — необходимым условием закономерности воли²².

П.И. Новгородцев, критикуя Канта, считал, что его категорический императив неполно отражает моральную обоснованность права, он односторонен в силу своей абстрактности. В своем учении кенигсбергский мыслитель «стремится определить право и государство в их моральной основе, как они должны быть на основании чистых законов разума. <...> Идеальные нормы, относящиеся к ним, устанавливаются именно *in виду осуществления нравственного закона*»²³.

Что же касается источника естественных прав, то в начале своей научной деятельности П.И. Новгородцев искал их в категорическом императиве, т.е. в высшем моральном требовании, которое вытекает из самой природы человеческого общежития. По П.И. Новгородцеву, разумное начало в личности есть автономное нравственное начало. Разум является единственным источником идеи должного, морального закона, который представляет собой факт чистого сознания, безусловно, достоверен сам по себе и независим от исторической необходимости. Сущность морали проявляется в ее формализме, индивидуализме и абсолютизме, что во многом определяет ее критическую функцию²⁴.

Высшее моральное требование, приложенное к сфере социальных отношений, приобретает форму *естественного права*, т.е. неизменную иде-

¹⁹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типичных построения в области философии права. М., 1901. С. 150.

²⁰ Жуков В.Н. Новгородцев П.И. // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 327–329.

²¹ См.: Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 240.

²² Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 109–110.

²³ Цит. по: Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 25.

²⁴ Там же. С. 5, 28.

альную норму с меняющимся содержанием. Как бы ни были различны толкования идеи естественного права, считает философ, все ее сторонники сходятся в одном, что она подразумевает совокупность таких правил или норм, которые обязательны сами по себе, независимы от какого бы то ни было внешнего законодательства или авторитета.

Можно сделать вывод о том, что для Канта естественное право является понятием идеальным и нравственным, а следовательно, верховным принципом всякого законодательства. П.И. Новгородцев же утверждал, что содержание естественного права меняется от эпохи к эпохе, хотя сам факт его наличия бесспорен.

П.И. Новгородцев стоял на позиции признания формального и фактического обеспечения свободы индивидов правом: цель права — охрана свободы, однако пользование этой свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств. Вот почему, несмотря на то, что задачей и сущностью права является охрана личной свободы, не менее важна и возможность осуществления этой задачи — забота о материальных условиях свободы. Решение данной проблемы, заключал ученый, должно взять на себя государство. Он писал, что «сущность естественного права заключается, прежде всего, в стремлении к наиболее адекватному согласованию начал свободы и солидарности, к утверждению порядка, при котором индивидуальная свобода не будет находиться в противоречии с необходимой для общества солидарностью, общественная упорядоченность не будет осуществляться за счёт ограничения индивидуальной свободы»²⁵.

Таким образом, естественное право как проистекающее из природы человека, человеческого разума, всеобщих моральных принципов служит морально-этической, нравственной основой обоснования права человека на защиту в ее широком профессиональном толковании. В современном обществе особое нравственное обоснование права граждан на защиту может рассматриваться в качестве идеологической и юридической гарантий неприкосновенности личности.

Народное сознание испокон веков проявляло понимание необходимости использовать зло в борьбе со злом, а ведь институт обстоятельств, включающих преступность деяния, дает человеку право «убивать» при определенных ситуациях, связанных с защитой себя или других лиц, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Ш. Монтескье выразил эту же мысль предельно просто и точно: «Если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же образом»²⁶. В то же время, как четко и коротко определил английский философ Ф. Бэкон, «всякая насильственная мера чревата новым злом»²⁷.

Как свидетельствует история, человечество на протяжении тысячелетий пыталось также выработать критерии использования этого права. Сначала соответствующие правила определялись нормами морали, с появлением государства — нормами права, хотя нравственность продолжала и продолжает влиять на применение этого института. Поэтому, признавая

²⁵ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. К вопросу о возрождении естественного права. СПб., 1902. Кн. 2. С. 286.

²⁶ Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избр. произведения. М., 1955. С. 164.

²⁷ Разум сердца: мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М., 1989. С. 327.

право на защиту естественным, прирожденным, все и всегда искали ее пределы, которые не только ставились законом, но и вытекали (может быть, прежде всего) из нравственных воззрений.

В некоторых случаях деяние, хотя и имеющее некоторые формальные черты преступности (например, подобное деяние в иных обстоятельствах может быть запрещено уголовным законом под угрозой наказания), не может являться преступлением в силу того, что обстоятельства, при которых оно совершено, предусмотрены уголовным законодательством как исключаяющие преступность деяния. В то же время причины, по которым такие деяния, хотя и сходные с преступлениями, вынесены за рамки преступлений, являются, по сути, причинами нравственного характера.

Следует отметить, что в силу социально-правовой природы данные обстоятельства превращают соответствующее деяние, даже обладающее формальными внешними чертами преступления, в общественно полезное, поскольку причинение определенного вреда компенсируется полезными последствиями для личности, общества и государства, вытекающими из факта совершения данного деяния, а следовательно, являются нравственными.

С точки зрения нравственного содержания право на защиту выступает неотъемлемым фактором общественной жизни, ибо связано с активной жизненной позицией и деятельностью человека, стремящегося к созданию наиболее приемлемых и безопасных условий человеческого общежития²⁸. Использование таких средств защиты становится социально оправданными лишь как ответная реакция на совершаемое в отношении человека насилие либо преступное посягательство на собственность и безопасность государства.

Без института обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, который является своеобразным средством предупреждения преступлений, уголовное право было бы не полным и не выполняло бы своих функций в той мере, в какой это необходимо обществу, государству.

²⁸ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика М., 1985. С. 120.